

S E R I E S M I N O R

КНИЖНЫЙ ШКАФ
КИРИЛЛА КОБРИНА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Studia philologica

Кирилл Кобрин

Книжный шкаф Кирилла Кобрина

«Языки Славянской Культуры»

2002

Кобрин К. Р.

Книжный шкаф Кирилла Кобрина / К. Р. Кобрин — «Языки Славянской Культуры», 2002 — (Studia philologica)

Книга состоит из 100 рецензий, печатавшихся в 1999-2002 годах в постоянной рубрике «Книжная полка Кирилла Кобрина» журнала «Новый мир». Автор считает эти тексты лирическим дневником, своего рода новыми «записками у изголовья», героями которых стали не люди, а книги. Быть может, это даже «роман», но роман, организованный по формальному признаку («шкаф» равен десяти «полкам» по десять книг на каждой); роман, который можно читать с любого места.

© Кобрин К. Р., 2002

© Языки Славянской Культуры, 2002

Содержание

Открывая дверцу шкафа	5
Первая книжная полка	7
Вторая книжная полка полка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кирилл Кобрин

Книжный шкаф Кирилла Кобрин

Открывая дверцу шкафа

Я не настолько скромн, чтобы чтением книг полностью заменить их сочинение. В то же время, не настолько тщеславен, чтобы досаждать читателю «серьезными литературными жанрами»: романом, повестью, новеллой. Все, на что хватает моих ограниченных способностей, – поделиться некоторыми соображениями о прочитанных книгах. Биография автора этих строк умещается в несколько десятков книжных полок, украшающих стены его квартиры. Да-да, как говаривал один из героев нижеследующих заметок, библиография вместо биографии.

Ибо что есть биография? История отвлечения от себя самого, от мышления, от бытия, в конце концов. Трюк разодетого в блестящие тряпки иллюзиониста. Что толку носиться по горячим точкам с калашом или фотокамерой в руках, запускать сознание в снеговые кокаиновые лабиринты, бесконечно совокупляться или столь же бесконечно отказываться от совокупления? Взбалтывать серебряной ложечкой теплый еще мозг только что умервщленной обезьяны в каком-нибудь таиландском притоне? Жрать баланду в вонючей камере? Резать глотку несчастным курицам на Гаити? Штурмовать ледяную возвышенность, теряя по дороге зубы и шерп? Все одно. Остаток будет прежним. Исчезновение. Надгробиями высятся книжные шкафы над кладбищем людей. Исчезнут, конечно, и они, но – позже. Придет, я уверен, время, когда кроме книг ничего не останется на земле. И читать их будет некому. Так что надо бы успеть сделать это сейчас.

Чтение есть процесс довольно странный, граничащий с гурманством, пьянством, сексом. Книга – средство Макропулоса, благодаря которому проживаешь дополнительные жизни, продумываешь не предусмотренные для тебя Создателем мысли. Тот, кто много читает, – долго, если не вечно, живет. Тело ссыхается или гниет; сознание профессионального читателя стремительно растет, захватывая все новые и новые территории. В момент смерти тело истинного читателя представляет собой белую точку на грифельной доске мира, которую вот-вот сотрет неумолимая тряпка Красного Руководителя. В этот момент его сознание становится всем миром, вливается в неделимую бесконечность.

Это – о символе веры читателя. Теперь – о технологии процесса. Лучшее чтение бессистемно; за исследованием о риторике эпохи поздних египетских фараонов следует австрийский роман о Первой мировой, за ним – стихи некоего паренька из Екатеринбурга. Хаос чтения не заклинаем разумом; он сам есть порождение некоего потустороннего Разума, который, кажется, и надиктовал все книги на свете. Единственный порядок, которому подчиняется настоящее чтение, – последовательность во времени; она же, в свою очередь, есть последовательность книг в пространстве – на полке, в шкафу. Прихоть библиофила размещает их по-разному: исходным принципом может быть алфавит, регионалистика, деление на жанры, цвет обложки или величина формата. В моем личном шкафу, содержимое которого я предоставляю на суд читателя, книги расставлены по году издания. И на то есть своя причина. Но об этом чуть позже.

Стиснутые чужой прихотью в своих четырехугольных деревянных гробах (в которых извиваются книжные черви), книги составляют слова, фразы, абзацы. Книжные полки, шкафы можно читать как сами книги, к тому же – по правилам разных языков: слева направо, справа налево, сверху вниз. Каждый раз смысл прочитанного будет новым. Мой «Книжный шкаф», предлагаемый вниманию просвещенного читателя, – книга; в воле каждого придумать свой собственный способ.

Образ этой книги – конторские счета доэлектронной эпохи: знай себе щелкай костяшками. Раз, два, три... В каждом ряду ровно десять таких костяшек. Какие из них белые, а какие – черные, судить читателю. За этими счетами так приятно коротать жизнь. Сводить к счетам жизнь.

Но не только счета. «Книжный шкаф» – мой лирический дневник, поводом к написанию которого стали прочитанные книги. Какая, в сущности, разница, – быть взволнованным лепестком, девичьим локоном, разворотом крыла стратегического бомбардировщика, первыми словами спасенного из-под завалов ВТЦ или книгой? Тем более что все вышеперечисленное можно втиснуть в переплет, одеть обложкой и представить новой книгой.

Критик, истосковавшийся по «подлинности», скажет: «Вторичная литература». Что же, он в своем праве. Замечу, однако, что литература может быть «вторичной» только в том случае, если считать ее сырьем. С этой точки зрения все ясно: ведь если «вторичное сырье» – макулатура, то «первичное» – опилки и стружка. Довольно грустный итог.

На самом деле литература – то, что описывает представления автора о реальности. У каждого они разные. Я сомневаюсь в любой из них, кроме своего книжного шкафа. Он – есть.

Теперь о том, почему в моем «Шкафу» книги расставлены хронологически: по году издания. Кажется, летом 1999-го Сергей Костырко предложил мне писать для постоянной рубрики «Нового мира» «Книжная полка». После некоторых колебаний, я согласился. Редакция журнала любезно предоставила полную свободу выбора; потому на мою полку встали только те книги, которые я взял бы с магазинной полки.

И вот они – десять полок. На каждой – по десять книг. Мой книжный шкаф. Предоставляю его содержимое в полное распоряжение любознательного читателя. Если, конечно, Бог мне пошлет его.

15 ноября 2001 г.

Первая книжная полка

Добычин Л. Полное собрание сочинений и писем. СПб.: «Журнал „Звезда“», 1999. 542 с.

Наконец-то вышло самое полное собрание одного из самых немногословных русских писателей нашего столетия. Маргинал в кубе, бледной тенью прошедший по задворкам советской литературы 20—30-х, он, тем не менее, оказался востребованным в 60—80-е гг., став одним из виртуальных основателей «ленинградской прозаической школы». Выпускник этой школы, Довлатов, уроки Добычина выучил «на отлично»; например, в добычинском рассказе «Сиделка» читаем совершенно довлатовскую фразу: «Захотелось небывалого – куда-нибудь уехать, быть кинематографическим актером или летчиком». Добычина считают абсолютно «а-культурным» автором, вроде Беккета, на него ссылаются нынче всевозможные любители «нулевых степеней письма» и «анонимных бормотаний в эпоху смерти автора». Один модный писатель противопоставляет «настоящего» Добычина кривляке-Набокову. Что же, теперь у всех них есть толстая библия, на которую можно налагать руку, клянясь в ненависти к «умышленной литературе». Не надо только забывать, что «естественность» и «анонимность» Добычина – такая же умышленность, достаточно сравнить две пародии на Эренбурга: в «Даре» и в рассказе Добычина «Савкина». На фоне несомненных достоинств изданного журналом «Звезда» тома довольно странным выглядит наивное негодование автора предисловия (В. С. Бахтина) по поводу советских гонений на автора «Города Эн». По головке его надо было гладить за такие, к примеру, фразы: «Сзади было кладбище, справа – исправдом, впереди – казармы»?

Жолковский А. К. Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.

Увлекательный путеводитель по, как выясняется, пугливой и недоверчивой поэтике зощенковского творчества. По разнообразным комплексам автора «Аристократки» – тоже. Конечно, психоаналитической отмычкой можно вскрыть любой чемоданчик (как сделал биограф А. И. Корейко Бендер и получил за это миллион), но не всегда исследователь может справиться с тем, что получил (опять напрашивается параллель с О. Бенедером). А. Жолковский знает, что делать с явленными под беспощадный свет анализа комплексами; сортировка, классификация, интерпретация – все на высшем уровне. Полностью отсутствует и занудство классического структурализма. Несколько жовиальная и благодушная интонация автора убеждает больше строгих псевдонаучных построений.

Особенно любопытной кажется попытка Жолковского «счистить» налет временного советского контекста с общечеловеческой (экзистенциальной, невротической) сути зощенковского творчества. Совершив эту процедуру, автор совершает неожиданный кульбит, и... «экзистенциальное», «невротическое» вновь оборачивается «социальным», «социалистическим», «советским»: «Зощенко оказался подлинным классиком советской литературы, но не столько как сатирик-бытописатель советских нравов, сколько как поэт страха, недоверия и амбивалентной любви к порядку».

Автограф Пушкина / Исследование А. Л. Соболева. М.: П. А. Дружинин, 1998. 84 с.

Спешу поделиться с читателем удовольствием от этой книги; тем более что читатель (за крайне редким исключением) ее никогда не увидит. Ибо «настоящее издание отпечатано в количестве 325 экземпляров, из коих двадцать пять именных на бумаге Rives verge, пятьдесят экземпляров не для продажи на бумаге Kashmir (нумерованные от 1 до 50) и двести пятьдесят

экземпляров на простой бумаге верже (нумерованные от 51 до 300)». Сразу сниму все подзрения: номер моего экземпляра – 151.

Мы уже привыкли к роскошным изданиям и изданиям пижонским, но книга Соболева – совсем другое. Это очень значимый жест, как в социокультурном, так и в литературном смысле. Выпустить в год пушкиномании сверх-изящную брошюрку на сверхспециальную тему (настолько «сверх» и настолько «специальную», что тема как бы и растворяется) – это выглядит революционным «подрывом основ» известного чего. Написать историко-литературную работу о пушкинском автографе, которая состоит из а) перечня всех дарственных надписей поэта, б) воспроизведения автографа, в) избыточно подробной биографии адресата, – значит остроумно продемонстрировать конец того пушкиноведения, которое мы знали. Чудовищная по объему отрасль филологии сведена к объему брошюрки. Алеф пушкинистики.

Пятигорский А. Вспомнишь странного человека...: Роман. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 399 с.

С легкой руки Набокова у нас разлюбили философские романы. Тем более сейчас, когда под «философией» подразумевают безответственное плетение словес покруче лесковского, только вместо «аболонов» там «симулякры». Между тем несколько истинных мыслителей физически пребывают в окружающем нас мире; Александр Моисеевич Пятигорский – один из них. Это уже второй его роман. Как и первый («Философия одного переулка», а не «Хроника одного переулка», как написано в книжной аннотации), так и второй повествуют, на самом деле, об истории и Истории, о том, как человек может соотноситься с Историей, попадать в историю, пытаться от Истории ускользнуть, пытаться рефлексировать как над Историей, так и над историями, в которые он попадает и не попадает. Собственно говоря, это и есть темы многих работ Пятигорского-философа.

В романе завораживает неторопливая интонация рассказчика, восхищает тонкая игра с эпиграфами, интригует сложная система имен персонажей. Бессмысленно пересказывать его сюжет. Местами «Вспомнишь странного человека...» напоминает обстоятельно записанное сновидение, иногда – авантюрный роман в духе Честертона. Философия истории, воплощенная в романе А. М. Пятигорского, может показаться несколько мистической, но эта мистика скорее сведенборговская. Быть может, прав был юный Альбер Камю, записавший в дневнике: «Хочешь быть философом – пиши роман»?

Поэзия русского футуризма / Вступ. ст. В. Н. Альфонсова, сост. и подгот. текста В. Н. Альфонсова и С. Р. Красицкого, персональные справки-портреты и примеч. С. Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 1999. 752 с.

Как ни странно, этот объемистый том должен понравиться истинному эстету. Извращенным способом в нем царит гегелевская диалектика превращения «количества» в «качество»: десятки удивительно плохих виршей, чуть разбавленные гениальными стихами, будучи объединены под одной обложкой, дают совершенно новое – и бесспорное – качество. Богатейшая энциклопедия графомании, подробнейший свод неврозов, страхов и комплексов, восхитительная в своей бессмысленности метафора литературы вообще – вот что такое эта книга. Где еще считаешь стихи Шкловского или Катаняна? А текст оперы Крученых «Победа над солнцем»? Но дело не только в историко-литературных причудливостях. Перечитывая в десятый раз «Зверинец» Хлебникова, вдруг обнаруживаешь содержащиеся там личинки сюжетов и мотивов самых модных фильмов последних десятилетий. Сад, где «красотки ходят продавать тело», – это лондонский зоопарк в «ZOO» Питера Гринуэя. А фраза Велимира «где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг» в «Arizona Dream» Эмира Кустурицы звучит так: «Рыба не говорит. Рыба не мыслит. Она нема. Рыба знает все».

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 238 с.

Мы являемся свидетелями удивительного события. В известной части текстов слово «Жижек» стали употреблять чаще, чем слово «Деррида». Это означает не что иное, как всемирно-историческую славу. Тем более, что и самого Жижека зовут созвучно со «славой» – Славой (только ударение на последний слог).

Теперь и русскоязычный читатель может приобщиться к мысли модного словенско-французского философа. Автор того стоит. Кажется, это первый мыслитель, попытавшийся артикулировать в философских терминах «усталость» нынешней культуры от тотальной иронии, бесконечного релятивизма, эклектизма и цинизма – короче говоря, от того, что называют заветным словом «постмодернизм». Остроумному (и конструктивному!) анализу подвергнуты соображения Маркса о «прибавочной стоимости» и «товарном фетишизме»: есть повод воспрять экс-советским преподавателям исторического материализма и политэкономии капитализма. Маркса опять можно (и модно) цитировать!

И еще одно соображение. Что бы там ни говорили, советский, социалистический опыт не вовсе бессмыслен. Опыт жизни в социалистической Югославии позволил Жижеку весьма тонко проанализировать особенности «идеологии» в (якобы) «постидеологическую эпоху». Этому посвящено несколько главок «Возвышенного объекта идеологии», в частности «Тоталитарный смех» и «Цинизм как форма идеологии». Но на самом деле «Тоталитарный смех» – теоретическая возгонка сталинского контекста, перемешанного с бахтинским текстом, а «Цинизм как форма идеологии» будто написан по мотивам основных тем интеллигентской культуры эпохи позднего совка. В очередной раз становится ясно: «постмодернизм» мы учили не по учебникам Деррида, а по «Малой земле» Брежнева.

Нейхоф Мартинус. Стихотворения = Nijhoff Martinus. Gedichten. СПб.: АО «Журнал „Звезда“», 1999. 40 с.

Иосиф Бродский называл Мартинуса Нейхофа (1894–1953) «голландским Мандельштамом». Не думаю, что имеет смысл раздавать шубы с барского плеча имперской культуры. Родной (для культуры маленькой страны) университетский пиджак ничем не хуже. Впервые в России вышло мини-избранное этого выдающегося поэта; издание, будем надеяться, «пилотное», за которым последует уже полновесная книга.

Он – настоящий голландец: с прицельным взглядом, с врожденной точностью детали, с тончайше рассчитанной мизансценой. Есть знаменитое высказывание о том, что поэзия Ахматовой выросла из русского психологического романа. Так вот, поэзия Нейхофа будто сошла с полотен голландских художников. Я, конечно, имею в виду лучшие стихотворения этого маленького избранного – цикл сонетов «Ни свет, ни заря» и предшествующий им шедевр «Impasse». Читая такого поэта, как Нейхоф, понимаешь, что истинный протестантизм – это когда описание первого предутреннего рейса трамвая заканчивается так: «Рази нас, бей – без меры, без причины; / разрушь, Господь, становища – пускай / здесь для овец цветет безлюдный рай», а налаженный европейский быт предстает настоящим чудом, неизвестно как возникшим, чудом, окруженным враждебным хаосом (снаружи и внутри), а потому хрупким: «Трамвай – это звезда, полицейский – это звезда, хотя звезды эти и ведомы по своим орбитам силой, созданной самими людьми...» Поэт великой европейской городской культуры, поэт Буржуазности (с большой буквы и не в флюберовском смысле), он в конце концов стал тем, кем, быть может, хотел стать Мандельштам, но история распорядилась по-иному. Возможно, в этом смысле Бродский был прав.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира / Предисл. Х. Л. Борхеса; Пер. со старофранц. И. Минаева. СПб.: Амфора, 1999. 381 с. (Сер. «Личная библиотека Борхеса»).

Что делать в год столетнего юбилея Борхеса, когда все основные сочинения великого слепца уже надежно изданы, как не затеять серию под названием «Личная библиотека Борхеса»? Тем более что автор «Вавилонской библиотеки» сам ее и составил. Шаг вполне логичный и достойный уважения. В издании головокругительного травелога Марко

Поло все сделано правильно и со вкусом: удобный формат, хорошая полиграфия, обложку украшает фрагмент замечательной карты. Все как положено. Превосходно и предисловие самого «владельца библиотеки», где мое внимание привлек типичный для Борхеса парадоксальный пассаж: «Тюрьмы всегда покровительствовали литературе: вспомним Верлена и Сервантеса. То, что текст диктовали по-латыни, а не на местном наречии, означало, что автор обращался к широкому читателю». Для вящей парадоксальности утверждения о благотворном влиянии пенитенциарных заведений на изящную словесность, к славным именам Верлена и Сервантеса добавлю Н. Г. Чернышевского. Но сейчас не об этом. Дело в том, что как раз на этом развороте, на предыдущей странице, напротив высказывания о «тексте, продиктованном по-латыни», почти на той же самой линии, в выходных данных книги читаем: «Пер. со старофранц. И. Минаева». Так на каком же языке написано (продиктовано) сочинение Марко Поло? Ответ можно обнаружить в любой энциклопедии, разновидности книг, неоднократно воспетой Борхесом. Изначальный текст сочинения Поло был записан на старофранцузском его соузником. Переложения на прочие языки (в т. ч. на латынь) появились позже! Ученик Х. Л. Борхес получает двойку по любимому предмету. Не знаю, что поставить редактору книги: маленькая сноска под предисловием мэтра предотвратила бы конфуз и сделала издание безупречным.

Мамлеев Ю. Черное зеркало (циклы). М.: Вагриус, 1999. 304 С.

Недавно я с удивлением обнаружил на обложке какого-то глянцевого журнала (то ли «ОМ», то ли «Playboy») странную надпись: «Писатели поколения П. Юрий Мамлеев». Каким образом известный 68-летний прозаик попал в компанию с наевшейся мухоморов молодежью – не знаю. Известно только, что Владимир Сорокин, которого, по слухам, «поколение П» весьма почитает (но, видимо, не читает), в свою очередь считает Мамлеева чуть ли не своим учителем.

Что же, может быть. Только, если иметь в виду «Черное зеркало», ученик в бесчисленное количество раз талантливее учителя. Сорокин, прозаик с почти гениальным стилистическим нюхом, одним своим появлением изменил представления о том, что можно и чего нельзя в русской прозе. Влияние Мамлеева на него если не выдуманно вовсе, то сильно преувеличено. «Черное зеркало» – сборник слабых полуграфоманских страшилок, написанных скучно, без страсти и энергии. Вялый модернизм в результате превращается в банальную беллетристику; скажем, рассказ «Вечерние думы» (с соответствующей правкой бытовых деталей) мог бы быть напечатан в какой-нибудь «Ниве» столетней давности. Эксплуатация одного и того же «мистического» приема не спасает эту прозу от интонационной и лексической серости, а читателя – от скуки, мгновенно возникающей от такого, например, совписовского пассажа: «Майкл был, как почти все американцы, непробиваемый прагматик. Несмотря на все свои миллионы, он, например, никогда – даже в мечтах – не предполагал войти в тот круг финансовой олигархии, которая правит западным миром».

Нанси Ж.-Л. Corpus/ Сост., общ. ред. и вступ. ст. Е. Петровской. М.: Ad Marginem, 1999. 256 с.

В этой книге тема всевозможных «предисловий» и «послесловий», а также тема «латинского языка» получает неожиданное продолжение. Составитель, общий редактор и автор всту-

пительной статьи Елена Петровская весьма трепетно относится к автору «Corpus»'а. Казалось бы, в мире нынешней (по преимуществу франкоговорящей) философии все обычные чувства давно уже «деконструированы», сведены к «фантазмам» и проинтерпретированы с помощью соответствующих животрепещущих примеров из несравненных де Сада с Батаем. Ан нет. Постструктуралист тоже подвержен простейшим сантиментам, не хуже он обычных граждан. Достаточно прочесть в «Предисловии» умильное описание быта философа Жан-Люка Нанси: и лекции он читает, и кино с телевизором смотрит, и «кус-кус» ест.

«Предисловие» заканчивается так: «Так живет Жан-Люк Нанси. Так он мыслит». Возникает вопрос: чем тогда «Ad Marginem» отличается от изданий типа «Профиль» или «Elle»?

Теперь о латыни. В пояснениях к «Примечаниям» комментатор «Corpus»'а Елена Гальцева пишет: «Дело в том, что Нанси не только обращается к латинским крылатым выражениям, но и сам сочиняет по-латыни (может быть, „Философское Евангелие“?). Вах-вах. Неужели высокообразованный автор этих строк не знает, что Евангелия сочинялись вовсе не на латыни? Что латинский вариант Библии назывался так: *Biblia sacra vulgatae editionis*? И что тогда подобострастные благоглупости оборачиваются противоположной стороной: «...сам сочиняет по-латыни (может быть, „Философскую Вульгату“?)». Впрочем, быть может, вообще все послевоенное галльское любомудрие есть не что иное, как «Философская Вульгата»? И потом: играть с латинской основой французского языка вовсе не значит «сочинять по-латыни». Иначе получается, что, к примеру, Ремизов сочинял по-древнерусски.

Что же до содержания этой книги, то современный французский философ Жан-Люк Нанси написал очередное современное французское философское сочинение: туманное, претенциозное, обо всем на свете. Только нет в нем бартовской страсти, эрудиции Фуко, остроумия Деррида.

Вторая книжная полка полка

Владимир Набоков. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Русский период / Сост. Н. Артеменко-Толстой; Предисл. А. Долинина; Примеч. М. Маликовой. СПб.: Симпозиум, 1999. 832 с.

Теперь, благодаря этой увесистой (и прекрасно сделанной) книге, мы знаем, из какого литературного сора вырос чистый, ясный, гибкий, сильный голос набоково-сиринской прозы золотой поры. Ни «Машенька», ни рассказы из сборника «Возвращение Чорба» на роль той ранней чепухи, которую стыдливо прячут, а то и жгут, скупив по лавкам все экземпляры, не тянули – больно хороши. Теперь Набоков обрел своего «Ганца Кюхельгартена». Читатель, которому уже несколько наскучило бесконечное совершенство (и некоторый бойскаутский задор) набоковской прозы, может злорадно подхихикивать, читая, например, такую присказку: «И подумай только: никого из племени нашего на Руси не осталось. Одни туманом взвились, другие разбрелись по миру. Родные реки печальны, ничья резвая рука не расплескивает лунных заблестков, сиротеют, молчат случайно не скошенные колокольчики...»

Это, конечно, не значит, что 1-й том с/с Сирина распух от сенсационных открытий. Отнюдь. Почти все набоковское «раннее» уже печаталось, то в питерской «Звезде», то в томе сиринских стихов, то отдельным изданием (перевод Кэрролла). И все же. Собранные вместе сочинения 1918–1925 годов («крымского», «кембриджского», «раннеберлинского» периодов) воссоздают тот контекст, тот хаос, ту многоголосицу влияний, из которой родилась удивительная набоковская мелодия. А уж впадает ли в холодную ярость сам скрытный автор – там, в райских кущах, подозрительно похожих на окрестности Выры, – нам неизвестно.

Сага об Эгиле: Пер. с исл. / Предисл. Х. Л. Борхеса. СПб.: Амфора, 1999. 315 с. (Сер. «Личная библиотека Борхеса»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.